

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — КНИГА 10.

ОКТАБРЬ, 1905.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 10-а, — ОКТЯБРЬ, 1905.

- I.—ВІД ДРУЖИВНОЇ ПЕРШОЇ ГР. А. Б. ТОЛОСТОГО: I. Письма Ивану
Александровичу.—II. Письма гр. Владимира Солдатука 441
- II.—„ЗАПИСКИ“ О СИРИИ И ПАЛЕСТИНЕ.—В. Тензинова 446
- III.—МАХИМОВИЕ ЛЕБИСТКИ.—Посветы.—I-VIII.—В. П. К.—нов. 456
- IV.—ПАСХА НА КАПРИ.—Очерки из жизни современной Италии.—I-IX.—Л. Ру-
сина 467
- V.—ПОДЪ.—Из воспоминаний орловского полковника Михаила Ивановича Пуми-
нского.—Графиня А. А. Толстой 480
- VI.—ВЪДЪ ПОТІДІИ ВЪ САРОВЪ.—Путевыя записки и заметки.—I-IV.—Л. К.
Облаженского 486
- VII.—ЧЕРНАЯ ЗМІЯ. Романъ.—Paul Adam, „Le serpent noir“.—I-II.—Съ Франс
З. В. 490
- VIII.—ТВОРЧЕСТВО И. С. ТУРПЕНКА, ПРОЦЕССЪ ЕГО И ПРИКМІА.—
В. Гутыара 491
- IX.—ВЪ РОЗНОМЪ ЦВѢТѢ.—Рассказъ.—W. Weigand, Noveleiro Amelio dos
Natchelner.—I-VII.—Съ кѣм О. Ч. 499
- X.—„СВЕРЖЕ“ НА ГРАЖДАНСКІЕ МОТІВЫ.—А. М. Жончужинкина 502
- XI.—ХРОШКА.—Народное предствительство и народной походокъ.—
Л. А. Самвицкаго 506
- XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Положеніе русскаго крестьянства по даннымъ
официальной „Воспанска и плетръ“.—А. Рихтера 512
- XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новый союзный договоръ между Англией и
Францією.—Общие результаты мира.—Дипломатическія успѣхи статьи-секретаря
С. Ю. Басте.—Старые грѣхи нашей международной политики 520
- XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Вельтовъ, За двадцать лѣтъ.—II. Псалты-
на сочиненія И. К. Михайловскаго, т. II.—III. I. Табурино, Франца и
мѣст.—IV. Таув, Охоловоренія.—V. Охоловоренія, Въ ожиданіи.—VI. Сбор-
ника Харламовскаго Историко-Филологическаго Общества.—Евг. Л.—VII.
Римска и провинція Херсонской губерніи.—VIII. А. А. Бауфманъ, Пере-
селеніе и колонизація.—IX. А. Кофолъ, Крестьянскіе дѣтора на вѣдѣнной
жизнѣ.—X. Писаніе вопроса и рабочихъ организаціяхъ въ иностранную
государствена.—А. Ф. Волковъ, Секретариаты рабочихъ и нацита группы
въ Западной Европѣ.—В. П.—Нивка логия и браньери 526
- XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Isidort Dreyfus, Les Vie et les
prophètes du comte de Gobineau.—П. В. 531
- XVI.—ЩО ПОМОДУ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВЫЗОВОВЪ.—Письма къ Ротавицѣ.—
В. П. Герье 541
- XVII.—ВІДЪ ОБЩЕСТВЕННОЇ ХРОШКИ.—Сентябрьскій выдѣлъ земныхъ и горно-
скихъ дѣлелел.—Отношенія его къ вопросу объ участіи въ выборахъ Го-
сударственной Думы.—Экономическая программа общества.—Автономія му-
ниципалитетовъ областей равносправно въ „раздѣленіи“ Россіи?—Писаніе
словъ по поводу письма В. П. Герье.—Перевѣтка въ возмощеніи одной
иной иже.—Общественная организація земскихъ самоуправленій. Крестьян-
скрестъ и союзъ рабочихъ.—Писаніе А. А. Столовича о борьбѣ съ посто-
пѣнностью иурива.—Постановленіе х-интердуррессаго дивизиона.—Що
словаго печальнѣшихъ фактовъ 546
- XVIII.—ВІДЪОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—А. Ф. Коно, Судьбона рѣчи, изд. 4-е.—
Русскія иурива XVIII и XIX столѣтій, изд. В. К. Писаніе Шиншан-
нѣта.—Маркъ Матѣевичъ Антопольскій, его жизнь, творенія, письма и
статьи, изд. и. р. В. П. Столович.—Собраніе починеній П. П. Кобольдара,
издѣ 7-а: Псалтыніе годы Рѣчи Псалтырой.—В. П. Столовичъ, Писаніе,
3-е издание 550
- XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV, I-XII.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1905 г.

I.

— Бельтовъ. За двадцать лѣтъ. Сборникъ статей литературныхъ, экономическихъ и философско-историческихъ. Спб. 1905.

Авторъ начинаетъ свою книгу краткимъ предисловіемъ. „Вошедшія въ этотъ сборникъ статьи,—говоритъ онъ,—были напечатаны въ разное время въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; но всё онѣ проникнуты одною основною идеей—и потому составляютъ одно цѣлое, несмотря на разнообразіе своего содержанія. Въ каждой изъ нихъ отразилось,— съ той или другой стороны,—одно и то же міросозерцаніе, въ правильности котораго мнѣ хотѣлось бы убѣдить читателя“.

Единство и цѣлостность этого міросозерцанія служатъ внутренней связью и между статьями позднѣйшими, и болѣе ранними; вопросы, останавливавшіе на себѣ вниманіе автора, далеко еще не отошли въ разрядъ тѣхъ, что уже „взвѣшены судьбою“,—напротивъ, ко многимъ изъ нихъ вниманіе общества приковано столь напряженно, какъ никогда прежде. Это въ особенности имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ дѣло касается той или другой стороны въ выработкѣ новаго государственнаго и общественнаго строя. Интересъ полемическій, сопоставленіе со взглядами и возраженіями противоположнаго характера блгднѣтъ и ступевываается передъ политическимъ значеніемъ статей, собранныхъ въ этой книгѣ, и это вводитъ ее въ кругъ живѣйшихъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ знаменательныхъ вопросовъ, которыми живетъ наша современность.

Міросозерцаніе г. Бельтова—это прежде всего и главнѣйшимъ образомъ ортодоксальная „марксистская“ теорія общественнаго раз-

витія. Выступивъ въ восьмидесятихъ годахъ противъ господствовавшихъ народническихъ воззрѣній, г. Бельтовъ, почти безъ предшественниковъ, благодаря замѣчательной способности общественно-философскаго анализа, намѣтилъ и въ значительной степени совершилъ трудную работу переоцѣнки коренныхъ основъ русской жизни, съ точки зрѣнія развивающагося русскаго капитализма, объясненіе котораго, въ смыслѣ необходимой и временно-преходящей общественно-экономической формы, составляетъ большую и уже историческую заслугу автора; это объясненіе значенія надвигающагося капиталистическаго строя неминуемо сопровождалось отрицаніемъ старыхъ основъ, паденіемъ старыхъ устоевъ и логически приводило къ новому, матеріалистическому взгляду на общественное развитіе. Сторонники этого міросозерцанія могутъ, дѣйствительно, съ полнымъ правомъ утверждать, что г. Бельтовъ намѣтилъ основныя вѣхи теоретической работы девяностыхъ годовъ, что онъ давно предсказалъ многіе пережитые нами и переживаемые въ настоящее время моменты историческаго хода русской дѣйствительности, которыми онъ опредѣлялъ путь окончательнаго рѣшенія освободительной проблемы.

Первыя статьи сборника посвящены народникамъ — Карониному, Наумову, Успенскому. Онѣ могли бы считаться устарѣлыми лишь по недоразумѣнію, потому развѣ, что эти писатели (за исключеніемъ, можетъ быть, Успенскаго), утратили для читателя непосредственный интересъ, но въ данномъ случаѣ, въ статьяхъ г. Бельтова на первомъ планѣ стоитъ теоретическая сторона, составляющая необходимый вступительный матеріалъ къ развитію дальнѣйшихъ положеній автора; съ другой стороны, эти статьи полны глубокаго интереса съ историко-литературной точки зрѣнія, обиліемъ мѣткихъ и вѣрныхъ характеристикъ, а также талантливымъ примѣненіемъ „влассоваго принципа“ къ литературнымъ оцѣнкамъ. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнны статьи: „Бѣлинскій и разумная дѣйствительность“, „Эстетическая теорія Н. Г. Чернышевскаго“, „Къ вопросу о роли личности въ исторіи“; слабѣе, сравнительно съ другими, статья о Некрасовѣ (къ 25-лѣтію его смерти).

Сочиненія народниковъ-беллетристовъ даютъ автору обилій матеріалъ для доказательства основной его мысли о разложеніи общинно-земледѣльческаго строя и о переходѣ русской жизни въ новыя формы, подъ вліяніемъ все усиливающагося капитализма. Въ особенности любопытна въ этомъ отношеніи глава о Глѣбѣ Успенскомъ. По поводу неоднократно высказывавшейся Успенскимъ мысли, что какъ только крестьянинъ выходитъ изъ-подъ „власти земли“, онъ тотчасъ же развращается, г. Бельтовъ показываетъ, откуда возникаетъ ошибочность подобнаго представленія. Успенскій не обратилъ

должнаго вниманія на способность условій земледѣльческаго (и всякаго другого) труда къ измѣненію, и сталъ считать обусловленный этимъ трудомъ кодексъ нравственныхъ понятій единственно возможнымъ и необходимымъ. Онъ упустилъ изъ виду другой кодексъ, создаваемый трудомъ промышленнымъ, гдѣ люди, работающіе съ помощью машины, живутъ въ другихъ условіяхъ, чѣмъ крестьяне-земледѣльцы, и вырабатываютъ въ себѣ особыя понятія и привычки рабочаго человѣка; естественно при этомъ, что нравственность промышленнаго работника - пролетаря, создающаяся подъ вліяніемъ болѣе высокой степени экономическаго развитія, гораздо шире нравственнаго кодекса земледѣльца. Если бы Успенскій провидѣлъ положительную сторону крушенія старыхъ порядковъ подъ напоромъ капитализма, онъ не сталъ бы оплакивать пришествіе въ народъ „цивилизаци“ и увидалъ бы въ совершающемся на его глазахъ процессѣ лишь неотвратимую логику вещей, противодѣйствовать которой прежде всего бесполезно. Указывая, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, на доктрину Маркса, какъ на такое ученіе, которое должно помочь намъ распутать путаницу русской жизни, г. Бельтовъ отмѣчаетъ органическую связь этого ученія съ тѣмъ умственнымъ движеніемъ, которое въ свое время было создано Бѣлинскимъ, и весьма кстати, съ своей точки зрѣнія, цитируетъ мнѣніе проф. Менделѣева, высказанное имъ еще въ 1885 г., о томъ, что „Россія пришла уже въ состояніе, изъ котораго исходъ въ правильную сторону цивилизаци только одинъ и есть, а именно, въ развитіи фабрично-заводской промышленности“. Подобный выводъ, совпадающій съ кореннымъ убѣжденіемъ автора, долженъ былъ принять естественное направленіе не только въ сторону потрясенія „устоевъ“ народной жизни, но и полнаго ихъ разрушенія и отрицанія, поскольку дѣло касалось общины. „Недостаточно одобрять общину въ принципѣ,—говоритъ г. Бельтовъ въ статьѣ о Каронинѣ:—нужно спросить себя, каково живетъ современнымъ русскимъ общинникамъ въ современной русской общинѣ, и не лучше ли было бы, если бы эта современная община—со всѣми ея современными, дѣйствительными, а не вымышленными условіями—перестала существовать?“ Какъ извѣстно, народники приняли вызовъ, и споръ ихъ съ марксистами сдѣлался уже до извѣстной степени достойнымъ исторіи,—но въ такой категорической формѣ онъ былъ впервые поставленъ г. Бельтовымъ еще, повторяемъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Попутно г. Бельтовъ затрогиваетъ различныя другіе вопросы, философскіе, историко-литературные, историческіе.

Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ частныхъ положеній автора. Рассматривая народниковъ, онъ констатируетъ у нихъ несомнѣнное пре-

обладаніе общественныхъ интересовъ надъ литературными. Дѣлу русскаго общественнаго развитія они послужили, изображая бытъ своего народа. „Никакія спеціальныя изслѣдованія не могутъ замѣнить нарисованной ими картины народной жизни, произведенія нашихъ народниковъ-беллетристовъ надо изучать такъ же внимательно, какъ изучаются статистическія изслѣдованія о русскомъ народномъ хозяйствѣ или сочиненія по обычному праву крестьянъ. Ни одинъ общественный дѣятель, къ какому бы направленію онъ ни принадлежалъ, не можетъ сказать, что для него обязательно такое изученіе.“

По поводу нападокъ представителей эстетической критики на беллетристовъ-народниковъ г. Бельтовъ писалъ (въ 1888 г.), что, „эстетическіе критики“ брались за дѣло не съ надлежащей стороны. Нелѣпно, казалось г. Бельтову, убѣждать народниковъ-беллетристовъ не интересоваться общественными вопросами. „Россія переживаетъ теперь такое время, когда передовые слои ея населенія не могутъ не интересоваться подобными вопросами. Поэтому, какъ бы ни распинались господа эстетическіе критики, интересъ къ общественнымъ вопросамъ необходимо будетъ отражаться и въ беллетристикѣ. Критика должна, по меньшей мѣрѣ, примириться съ этимъ обстоятельствомъ“. Авторъ далекъ отъ мысли освободить критику отъ обязанности указывать недостатки художественныхъ произведеній, но одной изъ основныхъ задачъ, по его мнѣнію, могло бы служить критическое изслѣдованіе того, насколько основательны усвоенные беллетристами извѣстнаго направленія взгляды на русскую жизнь, и не зависятъ ли наиболѣе существенные художественные недостатки ихъ произведеній, въ той или другой степени, отъ ошибочности или узости этихъ взглядовъ. Въ такомъ случаѣ указаніе другой, болѣе правильной точки зрѣнія могло бы повести и къ устраненію самихъ недостатковъ, свойственныхъ народной беллетристикѣ въ извѣстную эпоху. „Тамъ, гдѣ беллетристы становятся публицистами, даже художественному критику не остается ничего другого, какъ запастись оружіемъ публициста“.

Вопросы литературной критики и теоріи искусства занимаютъ видное мѣсто среди сочиненій г. Бельтова. Особенно въ этомъ отношеніи любопытна статья о „Бѣлинскомъ и разумной дѣйствительности“, гдѣ авторъ горячо протестуетъ противъ вульгарнаго пониманія того періода жизни Бѣлинскаго, который отмѣченъ „примиреніемъ съ дѣйствительностью“, въ періодъ увлеченія Гегелемъ. Авторъ исходитъ изъ того убѣжденія, что Бѣлинскій могъ остановиться только на той философіи, которая давала бы ему простые и твердые отвѣты на мучившіе его вопросы, выраженіе которыхъ дано въ извѣстномъ стихотвореніи:

Отчего подъ ношей крестной
 Изымается вѣчно правый?
 Отчего вездѣ богатый
 Встрѣченъ почестью и славой?
 Кто виной? Иль силѣ правды
 На землѣ не все доступно?
 Иль она играетъ нами?
 Это подло и преступно!

Эти вопросы особенно мучили Бѣлинскаго въ такъ называемый „фихтеанскій періодъ“, который онъ самъ называлъ въ послѣдствіи періодомъ распадѣнія. Конечно, онъ не могъ оставаться долго въ этомъ періодѣ, и философія Гегеля привлекла его главнымъ образомъ потому, что обѣщала дать „научное изученіе дѣйствительности, научное объясненіе историческаго развитія человѣчества въ социальномъ, политическомъ и умственномъ отношеніяхъ, какъ необходимаго и потому законосообразнаго процесса“. Естественно, что такое пониманіе исторіи, ставившее передъ ней положительныя задачи взамѣнъ слѣпой случайности, не могло не увлечь молодые умы всюду, гдѣ была готовая почва для развитія общественныхъ запросовъ. Иное дѣло тѣ консервативныя выводы, которые были сдѣланы вслѣдъ затѣмъ изъ признанія разумности всего, что дѣйствительно. По этому поводу г. Бельтовъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „если ученіе Гегеля о разумности всего дѣйствительнаго многими понято было совершенно неправильно, то въ этомъ былъ виноватъ прежде всего онъ самъ, придавъ ему очень странное, совсѣмъ не діалектическое истолкованіе и провозгласивъ воплощеннымъ разумомъ тогдашній прусскій общественный порядокъ“. Основное значеніе Бѣлинскаго—въ томъ, что онъ, подобно Моисею, которому не суждено было узрѣть обѣтованной земли, всѣми силами старался избавить себя и своихъ ближнихъ по духу отъ египетскаго ига абстрактнаго идеала. Авторъ считаетъ это колоссальной, неоцѣненной заслугой. Эта заслуга недостаточно выяснена, и будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ еще заняться этимъ вопросомъ и болѣе детально мотивировать одно изъ частныхъ положеній автора, что Бѣлинскій былъ самой замѣчательной философской организаціей, когда-либо выступавшей въ нашей литературѣ.

Въ высочайшей степени любопытна и статья г. Бельтова „Эстетическая теорія Н. Г. Чернышевскаго“. Авторъ защищаетъ Чернышевскаго отъ высказаннаго Писаревымъ упрека въ „коварномъ“ намѣреніи погубить эстетику. Г. Бельтовъ сопоставляетъ диссертацию Чернышевскаго съ его рецензіей о книгѣ Ордынскаго, писанной имъ одновременно съ работою надъ диссертацией, и высказываетъ безусловно справедливое утвержденіе, что Чернышевскій не только не нападалъ на эстетику, но, напротивъ, горячо защищалъ ее отъ ея

„недоброжелателей, понимавших эстетику въ качествѣ науки слишкомъ отвлеченной и потому неосновательной. Мѣтко и доказательно устанавливаетъ г. Бельтовъ связь взглядовъ Чернышевскаго на искусство со взглядами Бѣлинскаго, связь, въ которой знаменитая диссертация являлась — „дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ взглядовъ на искусство, къ которымъ пришелъ Бѣлинскій въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности“.

Наибольшій интересъ представляетъ та часть статьи г. Бельтова, гдѣ онъ въ высшей степени убѣдительно доказываетъ, что въ основѣ эстетическихъ возрѣвій Чернышевскаго лежитъ философская система Фейербаха. Разрѣшеніе этого вопроса имѣетъ особое значеніе въ томъ отношеніи, что по его поводу въ печати высказывались самыя разнообразныя и въ большинствѣ случаевъ невѣрныя утвержденія. Большинство мнѣній сводилось къ Гегелю, а это имя не могло не возбуждать недоразумѣній въ томъ отношеніи, что и самъ Фейербахъ былъ генетически послѣдователемъ діалектической философіи Гегеля. Но дѣло въ томъ, что Гегель былъ чистѣйшимъ идеалистомъ, а Фейербахъ — чистѣйшимъ матеріалистомъ, или, лучше сказать, противникомъ идеализма (оба эти термина имѣютъ, конечно, условное значеніе). Если Фейербахъ нигдѣ самъ не называетъ себя матеріалистомъ, то таковымъ считалъ его Чернышевскій, принимаясь за построеніе эстетики на основѣ „матеріалистической“ философіи Фейербаха. Выясняя положеніе Фейрбаха, что „чувственность или дѣйствительность тождественна съ истиной“, авторъ такъ формулируетъ основную мысль своего разсужденія: „Если сущность человѣка — „чувственность“, дѣйствительность, а не вымыселъ и не абстракція, то всякое превознесеніе вымысла и абстракціи надъ дѣйствительностью не только ошибочно, а прямо вредно. И если задача науки вообще заключается въ реабилитаціи дѣйствительности, то въ этой же реабилитаціи заключается и задача эстетики, какъ отдѣльной научной отрасли. Этотъ выводъ, неизбѣжно слѣдующій изъ философскаго ученія Фейербаха, цѣлкомъ легъ въ основу всѣхъ разсужденій Чернышевскаго объ искусствѣ“.

Что же касается собственно Гегеля, то въ диссертации можно найти немало возраженій противъ его эстетическихъ возрѣвій. Въ этомъ отношеніи лицамъ, интересовавшимся біографіей Чернышевскаго, извѣстны моменты его философскаго развитія. Съ Гегелемъ впервые онъ познакомился въ половинѣ сороковыхъ годовъ еще въ провинціи по весьма неподнымъ русскимъ изложеніямъ его системы, и послѣдняя привлекла къ себѣ всѣ его симпатіи. Но вскорѣ затѣмъ, переселившись въ Петербургъ, Чернышевскій получилъ возможность познакомиться съ трактатами Гегеля въ подлинникѣ, и здѣсь отношеніе къ

нему значительно измѣнилось, особенно послѣ знакомства съ сочиненіями Фейербаха, за изученіе которыхъ онъ ревностно принялся. Не имѣя возможности, по условіямъ времени, назвать своего учителя, Чернышевскій считалъ полезнымъ распространить идеи Фейербаха и на тотъ кругъ предметовъ, который не былъ самъ по себѣ объектомъ изслѣдованія самого философа. Чернышевскій, можетъ быть, распространилъ бы извѣстный порядокъ идей и на самую „дѣйствительность“, но для разсужденій о „дѣйствительности“ пятидесятыя годы были весьма неудобны, и потому, когда встрѣтилось требованіе ученой диссертациі, онъ остановился на вопросѣ объ искусствѣ, гдѣ эта дѣйствительность могла бы получить наиболѣе широкое истолкованіе. Этимъ объясняются реалистическая заслуга и теоретическіе недочеты диссертациі Чернышевскаго.

Кромѣ отиѣченныхъ, находимъ въ книгѣ г. Бельтова также статьи — „Чернышевскій и Мальтусъ“, „Нѣсколько словъ въ защиту экономическаго матеріализма“, „Экономическія теоріи Карла Родбертуса-Ягцова“ и др. Къ сожалѣнію, въ эту книгу вошло далеко не все, что было бы желательно предложить русскому читателю. Будемъ надѣяться, что настоящій томъ только открываетъ собою полное собраніе сочиненій этого выдающагося писателя.

II.

— Последнія сочиненія Н. К. Михайловскаго. Т. II. Изд. журнала „Русское Богатство“. Спб. 1905.

Въ этотъ томъ вошли сочиненія Михайловскаго, печатавшіяся имъ съ 1901 года до самой его кончины. Они показываютъ, какъ сильна была его отзывчивость ко всему, что совершалось вокругъ въ литературѣ и жизни, какъ дороги были ему тѣ завѣты, на которыхъ зиждилось достоинство литературы и которые были краеугольнымъ камнемъ его общественныхъ и политическихъ убѣжденій. Критическая мысль до послѣдняго момента работала свѣжо и бодро, стараясь отдѣлать пшеницу отъ плевелъ, предостерегая читателя отъ всего ненужнаго, искусственнаго, претенціознаго, что, въ области литературы, мѣшало проявленію ея истиннаго призванія — быть выразительницей духовныхъ потребностей и прогрессивно-освободительныхъ стремленій русскаго общества. И въ статьяхъ этого тома публицистическій элементъ значительно преобладаетъ надъ чисто критическимъ; создатель своеобразнаго жанра „литературы и жизни“, Михайловскій интересовался не столько литературой, сколько жизнью, въ ней отраженной, —